

Любовь Федоровна Воронкова

Золотые ключики

В небе тучки поспорили

Бабушка выставила зимние рамы, прислонила их к стене и сказала:

– Смотри, Танюша, не разбей стекло.

Но Таня не подходила к рамам: она разглядывала то, что лежало всю зиму между рамами на подоконнике.

– Бабушка, это что?

– А не видишь что? Хлопки.

– А зачем тут хлопки?

– Чтобы ветер не продувал.

Таня потащила с подоконника косматые льняные хлопки, и вдруг из-под них что-то задымилось, поднялась какая-то серая пыль.

– Фу! Фу!

Таня замахала руками и стала чихать.

– И что тебе всё надо! – прикрикнула на неё бабушка. – Зачем ты в золу руками залезла?

– А разве там зола? – удивилась Таня. – А зачем же там зола, бабушка?

– Затем, чтобы сырости на окнах не было. Отойди подальше, я сейчас всё отсюда уберу.

Бабушка сняла с подоконников старые хлопки, смела в ведро золу и открыла окно. И сразу в избе стало светло, весело, и всё слышно – вот в кустах воробьи чирикают, вот ласточки щебечут, вот где-то ребяташки кричат и смеются и на разные голоса поют петухи.

Вдруг как-то затуманилось солнышко, потемнело в избе... Лёгкий грохот прокатился над крышей, острый огонёк блеснул в окно... Таня бегом бросилась на улицу:

– Что это? Гроза?!

Дедушка в палисаднике перекапывал землю. Он опёрся на заступ и прищуренными глазами глядел на небо. А на небе уже снова сияло солнышко. И только две маленькие лиловые тучки летели по ветру и словно догоняли друг друга.

– Где гроза? – сказал дедушка. – Никакой грозы нет.

– А что же ударило?

– А это так: две молодые тучки столкнулись-поспорили, ударились, молнию высекли... А как ударились, так и громок загремел. Первый громок прогремел, Татьяна, весна-красна пришла!

Лебеди и гуси

Таня стояла у палисадника и глядела в небо – на лиловые тучки, на круглые облачка, которые, как стадо белых ягнят, выбирались из-за леса.

– Дедушка, а откуда облака идут? – спросила Таня.

– Должно быть, с моря, – ответил дедушка.

– Дедушка, а куда они?

– Да вот к нам идут, на наши поля дождичка несут.

– А море – оно большое?

– Говорят, большое. Берегов не видно. Будешь день плыть, два дня плыть, неделю – и всё берегов не видно.

– Дедушка, а лодки по морю плавают?

– И лодки плавают. И большие пароходы плавают – огромные пароходы!..

– А это море-то далеко?

– От нас далеко.

– Дедушка, а ты дорогу к морю знаешь?

– Я-то не знаю, а вот наша речка Маринка, наверно, знает.

– Наша Маринка? А она разве в море течёт?

– Маринка течёт в Нудоль-реку. А Нудоль-река – в другую реку, побольше. А та река – в совсем большую реку. А большая река – в море. Так вот, может, и наша Маринка к морю добирается...

Вдруг дедушка перестал копать, наклонил голову набок и прислушался к чему-то.

Таня спросила шёпотом:

– Что там?

– Слышишь – лебеди трубят?

Таня поглядела на дедушку, потом на небо, потом опять на дедушку и улыбнулась:

– А что же, у лебедей труба есть?

– Какая там труба! – засмеялся дедушка. – Просто они кричат так протяжно, вот и говорят, что

они трубят. Ну, слышишь?

Таня прислушалась. И правда, где-то высоко-высоко слышались далёкие протяжные голоса.

– Вишь ты, домой из-за моря летят, – сказал дедушка, – как перекликаются. Недаром их кликунами зовут. А вон-вон, мимо солнца пролетели, видны стали... Видишь?

– Вижу, вижу! – обрадовалась Таня. – Верёвочкой летят. Может, они тут где-нибудь сядут?

– Нет, они тут не сядут, – задумчиво сказал дедушка, – они домой полетели!

– Как – домой? – удивилась Таня. – А у нас-то не дом?

– Ну, им, значит, не дом.

Таня обиделась:

– Ласточкам – дом, жаворонкам – дом, скворцам – дом... А им не дом?

– А им дом поближе к северу. Там, говорят, в тундрах болот много, озёр. Там они и гнездуются, где поглуше.

– А у нас уж им воды мало? Вон речка, вон пруд... Ведь всё равно у нас лучше!

– Кто где родился, тот там и пригодился, – сказал дедушка. – Каждому свой край лучше.

А лебеди летели всё дальше. Всё глуше и глуше становились их голоса...

В это время вышли со двора гуси, остановились среди улицы, подняли головы и примолкли.

– Смотри-ка, дедушка, – прошептала Таня, дёргая его за руки, – а наши гуси тоже лебедей слушают! Как бы и они в тундры не улетели!

– Куда уж им! – сказал дедушка. – Наши гуси на подъём тяжелы!

И снова стал копать землю.

Замолкли в небе лебеди, скрылись, растаяли в далёкой синеве. А гуси загагакали, заскрипели и пошли вперевалку по улице. И гусиные следы треугольничками чётко отпечатывались на сырой дороге.

Как Алёнка разбила зеркало

Улица была вся зелёная. А среди молодой травки во всех ямках и калужинках сверкала вешняя снеговая вода.

Недалеко от палисадника через широкую лужу была положена дощечка. На этой дощечке, как на мостике, стояла Алёнка и смотрела в воду.

– Алёнка, ты что смотришь? – крикнула Таня.

Алёнка помахала ей рукой:

– Пойди-ка сюда!

Таня подбежала к Алёнке и тоже стала на дощечке.

– Смотри-ка – зеркало! – сказала Алёнка. – Всё видно!

Таня посмотрела в лужу. И правда: всё видно – и небо, и белое облачко, и ветки сирени из палисадника... И их самих тоже видно – стоят в глубине Таня и Алёнка и смотрят на них из воды!

Таня сказала:

– Алёнка, а ты можешь по мостику бегом пробежать?

– А ты? – спросила Алёнка.

– Я могу! – ответила Таня.

Она быстро пробежала по узкой дощечке и спрыгнула на траву.

– А теперь ты!

Алёнка тоже пробежала и тоже спрыгнула на траву.

– А на одной ножке можешь?

– Не-ет... – протянула Алёнка. – А ты?

– А я могу!

Таня стала на дощечку и попрыгала на одной ноге по дощечке через лужу. На середине стало страшно – вот-вот оступится! Но ничего, не оступилась, допрыгала до конца и соскочила на траву.

– Видала?!

– Видала, – ответила Алёнка.

Но всё-таки на одной ножке прыгать через лужу боялась. Тогда Таня сказала ей:

– Ну, давай вместе! Держись за меня!

Таня и Алёнка схватились за руки и стали подпрыгивать на дощечке. Дощечка гнулась и скрипела, словно кричала им: «Тише! Тише! Не могу, сломаюсь!»

Но подружки смеялись, подпрыгивали и не слушали, что она им скрипит. И, может быть, мостик не выдержал бы и сломался... Но не успел: Алёнка оступилась да и прыгнула прямо в воду!

– О-ёй! – засмеялась Таня. – Зеркало разбила!

Лужа была мелкая, Алёнка только забрызгалась. Но неподвижную голубую лужу и правда, будто зеркало, разбила – огнистые брызги взлетели, как осколки. А вода замутилась, зарябилась, и ничего не стало в ней видно – ни неба, ни облачка, ни сиреневых веток.

Медок и холодок

Алёнка вылезла из лужи и сказала:

– А вода до чего тёплая!

И побежала по улице, по всем лужицам и калужинкам. Таня бросилась за ней.

Они догоняли друг друга, шлёпали босыми ногами по воде, поднимали весёлые брызги и смеялись.

Вдруг Алёнка остановилась.

– Гляди-ка, – сказала она, – пионерский вожатый хворост несёт!

Вожатый пионерского отряда Ваня Дозоров услышал Алёнку.

– Это не хворост, – сказал он, – это маленькие деревца – липки.

Таня подбежала к нему:

– Липки! А где же ты их столько накопал?

– Не накопал. В лесничестве взял. Там их в питомнике из семян вырастили...

– А на что они?

– Как «на что»? Сажать будем.

Посреди деревни около избы-читальни кучкой сидели ребята-школьники: кто на ступеньках, кто на брёвнышках. У всех были заступы, и солнечные огоньки то тут, то там загорались на отточенных лезвиях.

– Ну, идите, – сказал Ваня, – некогда мне с вами! А вон и бригада моя собралась, ждёт меня.

В это время школьники увидели Ваню и побежали ему навстречу:

– Сад в деревню принесли, сад принесли!

Они окружили Ваню Дозорова, разглядывали маленькие деревца, спрашивали:

– А сколько их тут?

– А где сначала сажать будем?

– Сначала будем сажать вокруг пасеки, – сказал Ваня, – потому что это липка, а пчёлы липовый цвет любят.

– А потом где?

– А потом по всей деревне насажаем. Разных деревьев насажаем. Сирени побольше. Пускай у нас избы как в саду стоят.

– На пасеку так на пасеку! – закричал Вася Бражкин. – Шагай, ребята!

– На пасеку! – подхватила Ариша Родионова.

Настя вскинула заступ на плечо и первая зашагала по тропочке, ведущей на пасеку. Таня уцепилась за Ванин рукав:

– И мы с вами пойдём липки сажать!

Ваня засмеялся:

– И вы? Да вы же не сумеете!

– Сумеем! – сказала Таня.

Тут и Алёнка её поддержала:

– Мы сумеем!

Тогда Ваня дал им два деревца:

– Вот сажайте. Только на пасеку не ходите, вам далеко. Посадите их где-нибудь у своих дворов. Но смотрите, если не справитесь, позовите кого-нибудь из старших. А саженцы зря не губите – они трудов стоят.

И ушёл.

Алёнка посмотрела на своё деревцо и сказала:

– Разве это деревцо? Это просто какой-то прутик. Он, наверно, нам нарочно сказал.

Таня засмеялась:

– Эх ты, «прутик»! А у прутиков корни бывают?

Алёнка потрогала пальцами нежный маленький корешок, подумала и больше не стала спорить.

Подружки стали советовать.

– Ты где сажать будешь? – спросила Алёнка. – У ворот или под окнами?

– Я у ворот.

– Ну, тогда и я у ворот. А ты у чьих ворот? – опять спросила Алёнка. – У наших или у ваших?

– Я у наших.

– Ну, тогда и я у ваших.

Дедушка уже кончил копать в палисаднике и поставил заступ в сараюшку, под навес, а сам стал собираться на конюшню. Ему надо было лошадям приготовить корму. Лошади все в поле, на работе, придут с работы – есть захотят.

Таня нашла под навесом заступ и приволокла его к воротам:

– Давай ямки копать!

Но заступ был очень тяжёлый. Такой заступ и поднять-то не поднимешь, не то что им ямки копать!

Дедушка вышел на улицу и увидел, как Таня и Алёнка мучаются с заступом. Он подошёл к ним:

– Вы что это делаете?

– Мы, дедушка, деревья сажаем, – ответила Таня, – липки!

– А ну-ка, дайте сюда заступ, – сказал дедушка.

Он взял заступ и выкопал две ямки.

– Ну вот, теперь и сажайте.

Таня и Алёнка посадили свои деревца, примяли вокруг них землю, полили их тёплой водой из калужины... Светит горячее весеннее солнышко, идут по небу весёлые облака, поют скворцы у скворечен, развёртываются почки на деревьях. И два новых деревца стоят у ворот, расправляют корешки в тёплой земле!

– Мою липку знаешь как звать? – сказала Таня. – Мою липку звать Медок!

Алёнка удивилась:

– А почему?

– А потому, что когда она вырастет, то на ней будут медовые цветы. И на неё пчёлы будут прилетать за мёдом. Вот потому и Медок!

– А как же мою?.. – спросила Алёнка. – Мою тоже Медок?

– Нет, твою пусть как-нибудь ещё!

– А как?

– Знаешь, как? Холодок!

– А почему?

– А потому, что когда она вырастет, то будет густая-прегустая. Кругом будет жара, дышать нечем, а под твоей липкой – холодок! Ну, пусть?

Алёнка улыбнулась и сказала:

– Пусть!

Гуси тоже летать умеют

Бабушка выглянула в открытое окно и сказала Тане:

– Посмотри, Танюша, за гусями, как бы на озимь не ушли. А то они ростки поклюют, в поле плешин понаделают. Что хорошего? Народ нас не похвалит, да и самим не прибыль!

Таня взяла хворостину и побежала за гусями. А гуси медленно шли по деревне всей стаей – гусак впереди, гусыньки за ним. Они шли да щипали молодую травку и шаг за шагом уходили всё дальше и дальше.

Таня догнала их, замахала хворостиной:

– Куда отправились? Домой идите!

Но гуси домой не хотели. Таня гнала их в одну сторону, а они поворачивали в другую. Таня гнала их к дому, а они поворачивали к пруду. Тут и Алёнка подбежала к Тане на помощь. Она кричала на гусей и махала на них руками. Тогда гусак вдруг высоко вытянул шею и крикнул:

«Ка-га!»

Гусыньки тоже сразу вытянули шеи и откликнулись:

«Ка-га!»

И тут они все подобрались, приподнялись, побежали-побежали на цыпочках, замахали белыми крыльями и взлетели над Таниной головой. Шум и свист пошёл от широких крыльев.

– Куда! – закричала Таня и подняла обе руки, будто хотела поймать гусей. – Куда вы?!

А белая стая пролетела через улицу и опустилась у скотного двора, у самого пруда.

– Сейчас я вам задам хворостиной! – сказала Таня. – Ишь ты, не слушаются!

– Мы сейчас вам зададим! – подхватила и Алёнка.

И они побежали на пруд.

Но, когда прибежали к пруду, гуси уже плыли по воде, как белые кораблики. Они уплыли на самую середину и там плескались, и ныряли, и охорашивались. А пруд был полон воды, до самых краёв.

– Вот какие! – сказала Таня. – Как на пруд захотелось, так и летать сразу научились. А дедушка говорит – на подъём тяжелы!

Начало пути

Весенний пруд был до краёв полон. А в одном месте вода размыла бережок и лилась через край. Бурливый ручей с шумом бежал от пруда через зелёный лужок и пропадал в густых ракитовых кустах.

Около ручья играли ребяташки. Юрка председателев устраивал на воде мельничку с колесом. Ваня Берёзкин ему помогал. Дёмушка просто бегал по воде, поднимая брызги. А на берегу пруда, на деревянных мосточках, сидела Нюра Туманова. Она болтала ногами в тёплой воде и пела песенку.

Таня и Алёнка тоже взобрались на мосточки, сели рядом с Нюрой и свесили ноги в воду. Узенькие волны бежали от мостков по пруду и пропадали, не дойдя до середины. А в самую середину пруда, как в круглое гладкое зеркало, глядело весёлое солнышко. Алёнка запела с Нюрой песенку, но скоро примолкла.

– Ручей шумит! – сказала она. – Даже песню не слышно!

– Потому что бежит, торопится, – сказала Таня, – до моря-то всё-таки далеко.

– До моря? – удивилась Нюра. – А что же, этот ручей в море бежит?

– Ручей – в Маринку, а Маринка – в Нудоль, а Нудоль – в большую реку, а большая река – в море...

Алёнка поглядела на Таню:

– А ты почём знаешь?

– Дедушка сказал.

Нюра засмеялась:

– Это он тебе нарочно сказал. Всё равно ручей до моря не дойдёт!

Но Таня даже рассердилась. Как это не дойдёт, если дедушка сказал!

– Значит, если я по рекам пойду, то тоже к морю выйду? – спросила Нюра.

– Конечно, к морю выйдешь, – ответила Таня.

– Вот бы поглядеть это море!.. – сказала Алёнка.

Таня живо подобрала ноги на мостки и вскочила:

– А пойдём!

– Куда? – удивилась Нюра.

– Море поглядим!

– «Море поглядим»! – повторила Нюра и снова рассмеялась: – Ну ступайте, ступайте поглядите. А потом придёте, расскажете, какое там море есть!

– А что смеёшься? – сказала Таня. – Вот пойдём да посмотрим. Алёнка, пойдём?

– Пойдём, – сказала Алёнка.

Они сбежали с горбатого бережка. А Нюра закричала:

– Смотрите в море не утоните!..

Не успели Таня и Алёнка отойти от пруда, как их увидел Дёмушка:

– Алёнка, куда? И я с вами!

– Не ходи, – сказала Таня, – мы далеко.

Но Дёмушка уже бежал к ним:

– И я далеко!

– Мы идём море смотреть. А ты куда?

– И я море смотреть.

– Пусть идёт, – сказала Алёнка, – всё равно от него теперь не отвяжешься.

На лугу их догнал Снежок. Он бежал и разбрызгивал лужи лапами. Белая шерсть висела на нём клоками, а лохматый хвост был завернут крючком.

– А вот и ещё один! – сказала Алёнка. – Ваш Снежок бежит. Тань, прогони его домой, заблудится ещё!

– Да, прогонишь его! – сказала Таня. – Уж от Дёмушки не отвяжешься, а от него и подавно!

Так и пошли все четверо по берегу бурливого ручья, через зелёный лужок, сквозь ракитовые кусты – смотреть море.

Неудачная охота

Ручей бежал через лужок. С одной стороны подымались ракитовые кусты, а с другой к ручью подступало колхозное поле.

Идти было весело – пели дрозды в кустах, в небе звенел жаворонок, на пашне рокотал трактор, весенний ветерок гулял на просторе...

– Ух, а грачей-то на пашне! – удивилась Таня.

– Червяков ищут, – сказала Алёнка.

Трактор медленно тащил плуги. Острые лемеха глубоко взрезали и отваливали сочные, сырые пласты.

Далеко-далеко уходили чёрные борозды, до самого леса. Их было много, уже половина поля почернела. А трактор шёл и шёл вперёд, тащил и тащил плуги.

Грачи шли вслед за плугами, выбирали из земли червей и личинок и совсем не боялись людей.

– Сейчас одного белоногого поймаю, – сказал Дёмушка.

И полез на пашню.

– Лезь, лезь! – сказала Алёнка. – Завязнешь – кто будет вытаскивать?

– Не завязну, – ответил Дёмушка.

– Лезь, лезь, – сказала Таня, – а мы уйдём!

– А я догоню! – откликнулся Дёмушка.

Бежать по вспаханной земле было трудно, ноги вязли и проваливались. Но Дёмушка всё-таки бежал. Вот уже до свежих борозд добрался. Вот уж и трактор идёт перед ним, идёт и рокочет грузно, спокойно, ровно... А сзади, за блестящими лемехами, ложатся глубокие борозды, отваливаются пласты, разламываются, рассыпаются в комья... и грачи идут, как домашние куры, даже и головы не поднимают на Дёмушку!

Дёмушка стал к ним подкрадываться, растопырил руки, идёт потихоньку...

Таня и Алёнка стояли на лужке у ручья и глядели: поймает или не поймает Дёмушка грача?

А Снежок тоже глядел и на Дёмушку и на грачей. И вдруг понял: Дёмушка грачей ловит! Снежок весело твякнул, взмахнул хвостом и пустился через пашню помогать Дёмушке.

Но из его помощи ничего не вышло. Грачи как увидели Снежка, так сразу и взлетели всей стаей. Снежок прыгал за ними, лаял... Но грачи летают высоко, разве их достанешь?

– И кто тебя звал? – сказал ему Дёмушка. – Бежит, как будто он ловить умеет!

Так и вернулись охотники ни с чем. Таня и Алёнка посмеялись над ними и пошли дальше.

А грачи покружили над полем, покричали и опять спустились на пашню. И снова пошли по

рыхлым сырým бороздам, отыскивая жуков, червей и личинок...

Встреча с лягушкой

Снежок бежал впереди, а сам всё оглядывался на Таню – идёт она или нет? И, видя, что она идёт, весело бежал дальше и обнюхивал по пути все кротовые кучки, все пеньки, все кустики. У ракитника он остановился: неужели в кусты лезть? Но увидел, что ребяташки в кусты вошли, и побежал дальше. Снежок далеко убежал в сторону, в сквозистую чащу. А потом звонко лаял и выскакивал обратно к ручью. И очень веселился.

На лужке травка чуть-чуть наклюнулась, а под кустами было уже густо и зелено. И среди шершавых листьев весело цвела лиловая медуница.

Таня обрадовалась:

– Цветы!

И побежала рвать медуницу. Алёнка тоже не отставала. Только Дёмушка не рвал цветов. Он кидал в ручей то щепку, то веточку и глядел, как они уплывают.

Вдруг Дёмушка остановился, присел на корточки и уставился глазами в густую траву.

– Ты что увидел? – спросила Таня.

– Сейчас посмотрю, – сказал Дёмушка. – Там, может, лягушка...

И полез руками в молодую снытку, которая густо выросла под кустом.

– Не лови лягушек! – закричала на него Алёнка. – Всегда он лягушек ловит!

Таня с опаской посмотрела на траву и спросила:

– Алёнка, а ты лягушек боишься?

– Вот ещё! – сказала Алёнка и тоже покосилась на снытку. – Буду я лягушек бояться!

– Я тоже не боюсь, – сказала Таня. – Есть кого бояться! Подумаешь, зверь какой!

В это время выбежал из кустов Снежок, прошумел по сучьям и по траве и выгнал из травы лягушку. Лягушка выскочила – да прямо Алёнке под ноги!

– Ай! – взвизгнули Алёнка и Таня в один голос и бросились бежать.

И со страху все свои цветы растеряли.

А Дёмушка поймал лягушку, поглядел на неё. Лягушка то открывала, то закрывала свои выпуклые глаза, и лапки у неё дрожали. Дёмушке стало жалко лягушку.

– Ну, иди уж, – сказал он, – прыгай. Только под ноги не лезь.

И пустил её обратно в траву.

Девочки поджидали Дёмушку на солнечной луговинке.

– Ты с лягушкой? – издали крикнула Алёнка. – Покажи руки.

Дёмушка поднял руки и растопырил пальцы. Никакой лягушки у него нет!

– Ну, тогда иди скорее, – сказала Таня, – да смотри не отставай, а то так с тобой и до завтра к морю не дойдёшь!

И пошла вперёд.

– А наши цветы как же? – спросила Алёнка. – Так и останутся?

– Пусть останутся, – сказала Таня, – я их больше не возьму – их лягушка нюхала.

Как Дёмушка в кузне помогал

Путешественники спустились вместе с ручьём с горки и вышли на отлогий бережок речки Маринки. Маленькую молчаливую Маринку нынче и узнать нельзя было – так она шумела, так она бурлила, так она неслась и сверкала под солнцем!

– А теперь куда? – спросила Алёнка.

– А теперь – куда Маринка течёт, – ответила Таня, – она дорогу знает!

Так они шли и шли по берегу – туда, куда Маринка течёт.

– Гляди-ка, – сказала Алёнка, а мы прямо к нашей кузне пришли! Как же теперь?

– Ну и что ж? – сказала Таня. – Пускай кузня. А Маринка ещё дальше кузни бежит.

Ворота кузни были широко открыты. В кузне было всё черно от сажи. Невысокий огонь покачивался в горне, и горячее отражение мерцало на краях наковальни. Около кузни лежал плуг со сломанным лемехом – кузнецу Ивану Ильичу этот лемех надо наваривать. Рядом лежала борона, у которой не хватало зубьев – кузнецу надо выковать новые зубья. На узких литых колёсах стояла сенокосилка, у неё расшатались ножи – к этим ножам надо новые болты сделать...

– Лошадь куют! – вдруг крикнул Дёмушка и побежал к кузнице.

Алёнка поглядела на Таню:

– Пойдём посмотрим?

– Пойдём!

На кузню, прямо с поля, привели буланого коня Ландыша. Ландыш потерял подкову с задней ноги, ходить неловко. Его привела молодая колхозница Варя Соколова. Ландыш к ней прикреплён, Варя на нём работает, потому она о нём и заботится.

Ландыша ввели в станок, привязали. Конь тревожно переступал с ноги на ногу, ставил уши топориком, косился, а Варя его всё оглаживала и успокаивала:

– Ничего, Ландыш, ничего. Не в первый раз тебе, не молоденький!

Иван Ильич с подковой в руках подошёл к лошади.

– Вот как ему Ландыш сейчас наподдаст! – сказал Дёмушка.

– Ничего не наподдаст, – сказала Таня. – Вон наш дедушка к какой хочешь лошади подойдёт, и никакая не тронет! А Ландыш что – дурной, что ли?

– А всё-таки боязно! – прошептала Алёнка.

Кузнец подошёл к Ландышу и спокойно взял его за раскованную ногу.

– Ну-ка, ножку, Ландыш! – ласково сказал он. – Ну-ка, дай ножку!

Ландыш покосился на кузнеца умным глазом и приподнял свою белую, с косматой бабкой ногу. Кузнец зажал её меж колен, расчистил копыто, приладил подкову и стал её прибивать. Звонкие частые удары молотка полетели под лугом и отдались где-то в горе...

Не успели подружки и дух перевести, не успели и слова сказать друг другу, а уж звонкий молоток отстучал по всей подкове, по всем восьми гвоздям, и кузнец выпустил из рук Ландышеву ногу. Новенькая подкова сверкнула на солнце, и шипы её ушли в землю под тяжёлым, большим копытом.

– Вот и всё, – сказал кузнец и погладил Ландыша по гладкой спине. – Носи, не теряй!

Тут из кузни вышел молодой кузнец Вася Курилин в кожаном фартуке, в кожаных рукавицах.

– А, помощники пришли! – сказал он. – Вот кстати! А мне как раз некому мех раздувать. Ну, кто у вас самый сильный?

Таня и Алёнка не знали, как быть: идти или не идти в кузницу мех раздувать?

Но, пока они думали, Дёмушка ответил:

– Я самый сильный!

– А, – засмеялся Вася Курилин, – вот как? Ну, иди сюда, давай дуй! Только смотри: берёшься за гуж, не говори, что не дюж!

– Я дюж... – сказал Дёмушка.

Он вошёл в кузню и взялся за мех. Вот как сейчас поддаст воздуху, как загудит в горне пламя, как полетят искры!..

Но потянул рукоятку, а мех еле-еле сжался и не дунул на огонь, не поддал жару, а лишь чуть слышно вздохнул.

– Ещё! Ещё! – закричал Вася. – Живей работай!

Дёмушка ещё раз налёг на рукоятку, даже совсем на ней повис. Но опять большой мех только вздохнул лёгким вздохом и не развеселил огня в горне.

– Эх, силёнки маловато! – сказал Вася. – Не дюж ты ещё!

И сам взялся за мех. Мех сразу задышал под его рукой, задышал, будто живой: фу! фу! фу! Пламя в горне заметалось, загудело, искры огненной речкой понеслись в трубу.

– Видал? – спросил Вася.

– Видал, – ответил Дёмушка.

– Ну, а теперь ступай, – сказал кузнец Иван Ильич, входя в кузницу. – Когда подюжеешь, приходи, в помощники тебя возьму!

Дёмушка вышел из тёмной кузни и прищурился от солнца.

– Ну что, дюж? – засмеялась Таня. – Уж и бахвал ты, Дёмушка! «Я дюж! Я дюж!», а как за гуж взялся, так и не дюж оказался!

– Только в саже весь измазался! – добавила Алёнка.

А Дёмушке и без того было обидно, что он с мехом не справился. Он посмотрел на них сердито и сказал:

– Ну и не дюж! А вы от лягушки убежали!

Варя Соколова давно умчалась от кузни верхом на своём Ландыше. Снежок проводил её до горы, вернулся обратно, спустился к речке, полакал воды и снова явился к ребятишкам. Ему было жарко. Он высунул язык и глядел на Таню, словно спрашивал: «Ну, а куда дальше пойдём?»

– Что ж мы! – сказала Таня. – Про море-то и забыли совсем!

– А ещё далеко? – спросила Алёнка.

– Не знаю... – задумчиво ответила Таня, – может, за Нудолью...

И опять все четверо пошли по зелёному бережку, вслед за весёлой речкой Маринкой, которая бежала к морю.

Как Снежок напроказил

Далеко отступили от речки ракитовые кусты, и ребятишки вышли на светлый лужок. А на светлой зелени лужка, на молодой травке, паслось весёлое стадо – телятницы выпустили погулять маленьких телят.

Телята ещё не умели как следует ходить в стаде. Они бегали, играли, взбрыкивали задними ногами, бодались... Одна тёлочка, жёлтая Нежка, стояла неподвижно и, вытянув шею, смотрела на телятницу Грушу, которая сидела недалеко, на сухом бугорке. Тёлочка смотрела на Грушу своими чёрными глазками и потихоньку мычала, словно жаловалась:

«М-ма! М-ма! Дом-мой хочу! Дом-мой!..»

А Груша её уговаривала:

– Гуляй, гуляй! Ешь траву, привыкай! Вон погляди на Ночку, вон на Буяна погляди: как большие ходят. А ты что?

Ночка, чёрная тёлочка с белой звездочкой на лбу, ходила по луговинке и нюхала траву, словно выбирала, какую травинку съесть. А пёстрый бычок Буян сорвал длинный стебелёк и всё мусолил его и сосал и не знал, что с ним делать.

Телятница Груша сидела на бугорке. А телятница Аннушка стояла у речки, смотрела, чтобы какой-нибудь глупый телёнок не прыгнул в воду.

Подружки припустились бегом смотреть телят. Дёмушка – за ними. А Снежок отстал. Он в это время разрывал лапами свежую кротовую кочку и совал нос в норку, хотел поймать крота. И не видел, что ребятишки убежали.

Таня первая подбежала к стаду. Но телятница Аннушка остановила её:

– Тише! Тише! Не пугай телят, они ещё маленькие, всего боятся... Их и так в стаде никак не удержишь!

Тёмно-рыжий белоногий бычок подошёл к Тане и сразу потянулся языком к её платью.

– Ты что – жевать? – сказала Таня. – Я тебе!

И спросила у Аннушки:

– А погладить можно?

– Погладь, – сказала Аннушка. – Это наш Рыжик.

Таня погладила бычку широкий лоб, почесала за ушками и за рожками... А бычок всё тянулся к ней и ловил языком Танину руку.

Алёнка тоже подошла к бычку.

– А он не бодается?

Аннушка засмеялась:

– А чем ему бодаться? Рога-то у него где? Ещё не выросли!

Алёнка смотрела на белоногого Рыжика. А в это время к ней подошла пёстрая тёлочка да как лизнёт ей ухо своим шершавым языком!

Алёнка вскрикнула:

– Ай!

И схватилась за ухо.

Аннушка засмеялась:

– Это тебе Майка хотела что-то на ушко пошептать, а ты испугалась!

– Девчонки всех боятся, – сказал Дёмушка.

– А ты-то храбрый! – сказала Таня. – Что лягушку поймал, то и не боится ничего!

– Ай! – опять вскрикнула Алёнка и схватилась за щеку: Майка опять ухитрилась её лизнуть.

– Ну, полюбилась ты нашей ярославочке, – сказала Аннушка. – Вишь, как тебя целует!

– Ах ты лизунья! – сказала Таня и погладила Майкину нежную мордочку.

А Майка и Таню лизнула, да прямо в нос!

– О-ёй! – засмеялась Таня. – Язык-то, как тёрка!

А потом спросила у Аннушки:

– А почему ты её Ярославочкой зовёшь? Она ведь Майка!

– Имя её Майка, – сказала Аннушка, – а ярославочка потому, что она ярославской породы. Это очень хорошая порода: ярославские коровы много молока дают. Нам из совхоза трёх

коров-ярославок дали, а теперь будем своих разводить. Это вот Нарядкина дочка. А Нарядка у нас видела какая?

– Видела, – сказала Таня, – большущая! И Майка такая будет?

– Конечно, будет.

Таня ещё раз погладила телочку:

– Ух ты моя миленькая!

Маленькие телята паслись, играли и жевали травку на тихой солнечной лужайке. Вдруг раздался звонкий, залиvistый лай, и вдали показался Снежок. Крота он так и не поймал, только всю морду в земле испачкал. А когда поднял голову и увидел, что ребяташек нет, то громко залаял и побежал их догонять.

– Тише! Тише, Снежок! – ещё издали закричала на него Таня.

И обе телятницы тоже закричали на него и замахали руками:

– Пошёл! Пошёл отсюда!

– Цыц, негодный! Куда несёшься?!

Но Снежок не слушал никаких криков и окриков. Он обрадовался, что догнал ребяташек. С лаем влетел в стадо и начал бегать за телятами. Тут и пошла кутерьма! Телята бросились в разные стороны, подняв хвосты, телятницы бегали за ними, кричали на Снежка, бранили его... А Снежку всё это было очень интересно, и он бежал ещё веселее и ещё задорнее лаял...

Таня помогала телятницам собирать телячье стадо, бежала то за одним телёнком, то за другим. Дёмушка тоже помогал.

А Алёнка прижимала к щекам ладони и повторяла:

– Ой, что натворил! Ой, теперь нам от Аннушки достанется!

И, не выдержав, побежала по бережку подальше и от стада, и от Снежка, и от Аннушки.

Наконец телятница Груша крикнула Тане:

– Танюшка, уходи отсюда, тогда и пёс за тобой убежит! А так его ни за что не выгонишь!

– Снежок! Снежок! – позвала Таня и пошла из стада. – Снежок, я ухожу!

– Мы уходим! – сказал и Дёмушка и пошёл вслед за Таней.

Тогда и Снежок побежал за ними.

Алёнка поджидала их под пригорком у большой ветлы.

– Вот не брать бы их! – сердито сказала Алёнка. – Всегда что-нибудь натворят!

– Кого не брать? – спросила Таня.

– Кого? Снежка бы не брать и Дёмку не брать бы!.. Всегда увяжутся – не отгонишь!

– «Дёмку»! – обиделся Дёмушка. – А я-то что? Я тоже лаял, что ли? Снежок лаял, а Дёмку не брать!..

Таня шла и бранила Снежка:

– Зачем ты телят гонял, а? Ты зачем их пугал, а? Хворостиной бы тебя хорошенько!

А сзади на лужке ещё долго слышались голоса телятниц, которые собирали своё неразумное стадо.

Может быть, это море?

Дальше идти стало труднее. Дорогу загородило болотце. В зелёной низинке стояли неподвижные светлые лужи, в которых лягушки пели и рокотали свои весенние песни.

– Ноги вязнут, – сказала Алёнка. – Может, тут ещё и пиявки есть!

– Мало ли что пиявки! – сказала Таня. – А как же теперь?

Алёнка остановилась, поглядела на Таню:

– Может... обратно?

– Что ты! – сказала Таня. – Уж теперь скоро море будет. А ты – обратно!

Болотце громко чавкало под ногами, и сквозь травку брызгала вода.

– Э! – вдруг крикнул сзади Дёмушка. – Вот они, лягушки-то! Что ж не убегаете?

– А что это нам убегать? – сердито сказала Алёнка.

– А в кустах-то что убежали? Забоялись?

Таня вдруг свернула в сторону и полезла в широкую лужу.

– Вот сейчас узнаешь, как забоялись! Вот сейчас поймаю да посажу тебе за пазуху, тогда узнаешь! – И схватила лягушку. – Ну, что?.. – сказала она. – Ага! Забо... забоя... забоялись?

Дёмушка сразу перестал смеяться. Он засунул руки в карманы и зашлёпал по воде от Тани подальше – а то ещё и правда как бы не вздумала ему мокрую лягушку за пазуху посадить!

А Таня бросила лягушку обратно в лужу и вытерла руки о траву. Ни за что бы ловить не стала, если бы Дёмушка не дразнился! Ну, теперь-то он не подразнится!

Густые ракиты стояли впереди. И речка Маринка совсем скрылась в раkitнике. А вдали, сквозь ветки, светилась большая вода и большой слышался шум...

– Что это? – прошептала Алёнка. – Может, море?..

– Может... – ответила Таня.

Они обошли кусты, поднялись на бугорок. И тут перед ними раскрылся широкий разлив. На быстром течении играли и сверкали солнечные огни, а ближе к берегу до самого дна залегла глубокая, чистая синева...

Тонкие осинки и берёзы и косматые ольховые кусты стояли в воде. Вода затопила их, а они покачивали ветками, словно не зная, что же им теперь делать...

Алёнка всплеснула руками:

– Ух ты! Воды-то сколько!

– О-ёй! – сказала Таня. – К самой горе подошла!

Алёнка, примолкнув, глядела на воду. А потом дёрнула Таню за платье:

– Тань, это море?

– Не знаю... – ответила Таня. – Наверно, море.

– А тот берег тоже весь залило, – сказал Дёмушка, – вон, до самого леса!

– Нет, это не море, – решила Таня, – ту сторону видно. А у моря ту сторону не видно. Целую неделю будешь плыть – и всё ту сторону не видно. Нет, не море! Это просто река Нудоль разлилась!

И Таня стала взбираться на горку, потому что понизу пройти было нельзя: на лугу стояла вода. Алёнка вздохнула и полезла за ней следом.

– Что же, теперь за Нудолью пойдём?

– Ну да, – сказала Таня, – а что?

– А Нудоль к морю придёт?

– Наверно, придёт. Ну, а что?

– Очень далеко море... Жарко...

Таня прошла несколько шагов молча. Потом тихо спросила:

– Алёнка... тебе домой хочется?

– Хочется... – ответила Алёнка.

– Мне тоже домой хочется, – созналась Таня, – а только как же море-то? Так и не посмотрим? А оно большое-пребольшое! И разные там корабли плавают, разные пароходы!.. Значит, так и не посмотрим?

– Ладно, пойдём, – сказала Алёнка. – Взглянем разок на пароходы – и обратно.

– Правда, – согласилась Таня, – взглянем на пароходы – и обратно. Да теперь уж идти недалеко. Вот пройдем бережок, а там, уж наверно, и море покажется!

Подойдя поближе к берёзовой роще, ребяташки услышали какой-то неясный гул. Что-то монотонно шумело там, что-то часто стучало: бух-бух-бух! Слышались голоса.

Снежок навострил уши, приподнял чёрный нос и, полный любопытства, припустил вперёд.

– Что это там творится, а? – удивилась Таня.

– Не знаю, – понизив голос, ответила Алёнка.

– А я знаю! – закричал Дёмушка. – Это мы, наверно, на ГЭС пришли!

И, перегнав девочек, побежал вслед за Снежком к берёзовой роще.

Что творится на реке Нудоли

А на реке Нудоли шла большая стройка. Плотники чистили и строгали брёвна, весь берег был завален светлыми щепками и стружками. Тут же, на берегу, стояли какие-то узкие, высокие срубы с плотно пригнанными брёвнами.

Около самой воды колхозники рыли широкий котлован. Колхозников было много – из всех окрестных деревень собрались они строить свою электрическую станцию. Горы песку и глины желтели на краю котлована, на зелёной траве. В котловане уже торчали забитые в землю сваи. И там же не переставая стучал механический молот: бух-бух-бух!

– Гляди, гляди, какая штука по столбу стучает! – закричала Таня, дёргая Алёнку за рукав. – И даже дым от неё идёт!

– А чего она стучает? – удивилась Алёнка.

– Не знаю. Забивает, может?

– «Забивает»! А разве такой высокий столб забьёшь?

– А вон ваш дядя Василий стоит! – сказала Таня. – Пойдём спросим?

Дядя Василий стоял на краю котлована и смотрел, как забивают сваю. Он был десятником на стройке: распределял работу и следил, чтобы работали правильно.

Но хоть он и был Алёнкин дядя, Алёнка всё-таки его немножко побаивалась.

– Дядя Василий, – несмело позвала она, – а дядя Василий! – Дядя Василий обернулся и поглядел на них суровыми глазами.

– Дядя Василий, а что это там бьёт?

– А вы что – наниматься на работу пришли?

Алёнка смутилась и спряталась за Таню.

– Нет, – ответила за неё Таня, – мы просто посмотреть.

– А зачем так далеко от дому забежали?

– Да это мы просто так... Мы мимо шли.

– А куда же вы шли?

– Да мы просто хотели море посмотреть.

– Море? А какое же море: Балтийское или Каспийское?

– Не знаю. Какое-нибудь.

– Эх вы, лягушки-путешественницы! – сказал дядя Василий. – На море собрались!

Он усмехнулся, покачал головой и весь скрылся в дыму от своей сигарки.

Дядя Василий сначала показался сердитым. Но, когда он засмеялся, тут даже и Алёнка

осмелела:

– Дядя Василий, а ты всё-таки скажи, что это по столбу стучает?

– Это механический молот стучает, – ответил дядя Василий, – дизель-копёр называется.

– А зачем он по столбу стучит?

– Сваю плотины в землю загоняет.

– Да сваи-то вон какие торчат коротенькие, – сказала Таня, – а это вон какое бревно – с берёзу!

– «Коротенькие»! Так они тоже с берёзу были. А вот заколотили их в землю, так и стали коротенькие. Это бревно тоже забьют – и оно коротенькое будет.

– Ух ты! – сказала Таня. – Вот какой этот дизель сильный!

– Ух сильный! – повторила и Алёнка. – Целое бревно в землю забивает!

– Алёнка, Алёнушка! – закричала Таня. – А гляди-ка – там, в ямке, ещё какая-то штука шипит!

– Таня, гляди-ка! – закричала в это время Алёнка, показывая рукой в котлован. – Дёмка уж там!

– Давай и мы полезем? – сказала Таня.

– А полезем! – сказала Алёнка.

Они сбежали с бугорка и осторожно спустились по песчаному склону в неглубокий котлован, к сваям, которые, словно деревянная щетина, рядами стояли на дне.

– А тут вязко, – сказала Алёнка.

– Гляди-ка, – сказала Таня, – где наступишь, туда сейчас и вода наливается!

Путешествие в речку

Подружки пробрались к небольшой квадратной ямке, похожей на колодец, в которой что-то шипело и рокотало. Дёмушка сидел на корточках возле ямки.

– Какая-то машинка и с кишкой, – в недоумении сказала Таня, – и зачем-то в колодчике сидит.

– Это помпа! – сказал Дёмушка.

Дёмушка это слово только сейчас в первый раз услышал, и оно ему очень понравилось.

– Пом-па это, вот что, – повторил он. – Пом-па!

– А что это помпа делает? – спросила Таня и тоже присела на корточки.

– Она воду сосёт, – объяснил Дёмушка, – и по кишке – прямо в речку.

– Что – в речку?

– Ну воду-то! Из песка эта помпа воду сосёт и по кишке в речку выливает. А если бы не эта помпа, то все сваи залило бы и пройти нельзя.

– А уж ты всё знаешь! – сказала Алёнка. – Небось половину выдумал.

– Как раз выдумал! – обиделся Дёмушка. – Вот поди да спроси у мужиков, как я выдумал!

И, прислушиваясь, как журчит вода в колодчике, ещё несколько раз повторил про себя:
«Пом-па! Пом-па! Пом-па!..»

Круглый шланг помпы из котлована поднимался вверх, на зелёную травку. Конец его висел над крутым бережком Нудоли, и вода с журчанием и звоном лилась из шланга в реку.

– О-ёй! – сказала Таня. – Как вода-то бежит. Прямо хлещет! А я думала, она по капельке капает! Ну-ка, холодная?

Таня подбежала к шлангу, наклонилась, протянула руку под светлую струйку и вдруг закричала:

– Ай! Еду!..

Ноги её быстро поползли по сырому глинистому бережку. Таня замахала руками, хотела за что-нибудь схватиться, но не схватилась да и съехала с бережка прямо в реку.

Алёнка сначала рассмеялась. А потом нагнулась к Тане и сказала:

– Давай руку! Вылезай скорей!..

Таня уцепилась за Алёнкину руку и стала вылезать. Но бережок был скользкий, и ноги ехали обратно в речку.

– Ты тяни меня пошибче! – крикнула Таня.

Алёнка хотела её потянуть пошибче, но и сама не удержалась, заскользила по бережку.

– Дёмка! Дёмка! – закричала она.

Но Дёмушка и подбежать не успел, а Таня и Алёнка уже барахтались внизу, в мутной мелкой воде, и сверху на них лился ручеёк из помпы.

– Караси в тине! – сказал Дёмушка и засмеялся.

Девочки кое-как, цепляясь за ракитник, вылезли наверх.

– Всё платье мокрое, – сказала Алёнка отряхиваясь. – Вот как теперь идти?

– Авось, – сказала Таня и беззаботно махнула рукой, – на солнышке высохнем!

И, не взглянув на Дёмушку, который смотрел на них и смеялся, они полезли наверх из котлована.

И только вылезли – их тут же увидел инженер Николай Петрович, главный хозяин на стройке.

Алёнка заробела и хотела скатиться обратно в котлован. Тане тоже стало не по себе. Она опустила глаза, перебирая рукой намокший подол платья.

– Вы что тут делаете? – спросил Николай Петрович.

Услышав такой строгий голос, Алёнка уже спустила одну ногу в котлован. Но Таня поглядела

на инженера и ответила:

– Мы ничего.

– А костры не разжигаете?

– А зачем нам?

– Ну – зачем! Ведь вы, ребяташки, как увидите – стружек много, так и костры жечь. Я почём знаю зачем? Может, сморчки жарить, может, картошку печь.

Как сказал инженер про жареные грибы да про печёную картошку, так Алёнка сразу вздохнула:

– Ой, как есть хочется!

А Таня тоже подумала:

«Вот если бы и правда кто-нибудь сейчас жёг костёр да пёк картошку!»

Но она ничего об этом не сказала.

– Нет, – ответила Таня инженеру, – мы никакие костры не разжигаем. У нас даже и спичек нету.

– А что же вы здесь делаете?

– Так. Смотрим.

Тут подошёл к инженеру молодой механик Саша Хрусталёв:

– Николай Петрович, пилораму пускать?

– А наладил?

– Наладил.

– Пускай. А я вот счета проверю – приду посмотрю, как там у тебя.

И оба пошли в разные стороны: инженер налево, в новенький домик, где только что устроили контору, а Саша направо, к большим стропилам, которые неизвестно для чего стояли среди брёвен и стружек.

Из котлована показался Дёмушка. Он был весь в песке и глине, штаны его были высоко подкручены, а рукава рубашки потемнели от воды.

– Эх, чуть трёхтона не поймал! – сказал Дёмушка. – В тину уполз, никак не найдёшь!

– Опять ловишь! – закричала Алёнка. – Всегда он кого-нибудь ловит! Ещё трёхтона какого-то!

– «Трёхтона»! – засмеялась Таня. – Тритона, а не трёхтона! Алёнка, помнишь, нам Серёжа Таланов в пруду показывал: такой... с лапками.

– Помню, – сказала Алёнка и сморщилась. – Фу, страшилище!.. А этот – прямо руками ловит. Вот ужалит, тогда будет знать!

– «Ужалит»! – усмехнулся Дёмушка. – Что он, змея, что ли?

– Ну, укусит!

– А чем? У него и зубов-то не найдёшь!

Вдруг там, под стропилами, что-то сразу загудело ровным гудом.

– Пилу в раме пустили! – крикнул Дёмушка.

И побежал смотреть.

Чудо-юдо в сарайчике

Дёмушка побежал, но и Таня с Алёнкой на этот раз от него не отстали. Таня впопыхах на какую-то занозистую стружку наступила, уколола ногу. Но останавливаться не стала – уж очень хотелось поглядеть, что это там загудело.

А когда прибежали, то поняли, что стропила эти – не стропила, а станок, в котором установлена механическая пила.

– Во! Пила в раме пошла! – закричал Дёмушка.

Саша услышал.

– Не пила в раме, а пилорама пошла, – сказал он.

– А тут даже три пилы! – крикнула Таня. – И все сами пилят! – и даже умолкла от удивления.

А в чёрной металлической раме и в самом деле было три пилы. Они все сразу врезались в толстое бревно и начали его пилить. Бревно медленно подвигалось, налезало на пилы, а пилы, мягко двигаясь, разнимали его на равные доски и горбыли.

– Вот как пилит – и не устаёт! – сказала Таня, любясь пилорамой. – А у нас дедушка с матерью возьмутся пилить, да сразу и уморятся! Вот бы нам такую пилу – дрова пилить!

– А возьмите, – сказал Саша, – пускай наша пилорама у вас дровец попилит!

Таня не могла понять – не то Саша шутит, не то правду говорит. Сам не улыбается, а светлые глаза его смеются.

– Ну давай, – сказала Таня, – пускай попилит!

– А кто у вас её двигать будет? – спросил Саша.

– Кто? А у вас кто двигает?

– У нас!..

Саша вдруг замолчал, словно чего-то испугался. А потом сказал почти шёпотом:

– У нас её чудо-юдо двигает!

Таня и Алёнка сразу присунулись к нему поближе:

– Где чудо-юдо?

– Какое чудо-юдо?

– Страшное чудо-юдо, – сказал Саша, – чёрное, сердитое. На шести лапах стоит. Силы у него сколько хочешь! Копром кто бьёт? Это чудо-юдо бьёт. Помпой кто работает? Оно. Пилами кто двигает и бревно подаёт кто? Тоже оно. Всю стройку оно движет. И что ни заставь – всё сделать может. Только сердитое очень: чуть что не по нём – так фыркнет, зашипит и сразу всю работу бросит. Уж мы за ним смотрим, чистим, маслом его мажем...

– Каким маслом – коровьим? – спросила Алёнка. – Он небось постное-то ещё и не любит.

– Не коровьим, а машинным, – сказал Саша, – самым чистым.

– А! – засмеялась Таня. – Ну, значит, это не чудо-юдо, а машина какая-нибудь!

– Хорошо, – сказал Саша. – А вот ты пойдёшь да загляни в тот сарайчик. И скажи, чудо-юдо это или нет. И скажи, живое оно или нет. Пойди-ка, пойдёшь!

И опять было непонятно – не то Саша шутит, не то правду говорит.

– Алёнка, пойдём? – негромко спросила Таня.

Алёнка поёжилась:

– Боязно...

А Дёмушка стоял и смотрел на них: если они пойдут, то и он пойдёт. Чудо-юдо в сарае – это тебе не лягушка какая-нибудь, это тебе не тритон, у которого даже и зубов-то не найдёшь!

Подружки постояли, подумали, а потом всё-таки пошли к сарайчику. Новенький тесовый сарайчик белел на солнце, и на стенках жёлтыми каплями блестела смола. И чем ближе подходили они к нему, тем слышнее становился ровный, глухой гул, который доносился оттуда.

Недалеко от сарайчика девочки остановились.

– Дёмка, иди первый, – сказала Алёнка.

– Иди сама, – ответил Дёмушка.

– А я вот и совсем не пойду, – сказала Алёнка. – Очень надо мне на него смотреть!.. Тань, пойдём отсюда?

Но Таня шаг за шагом подходила к сарайчику и, вытянув шею, старалась туда заглянуть. Невысокие ворота были открыты. На земляном полу светлым квадратом лежало солнце.

У-у-у! – неслось из сарая, будто летел большой самолёт.

Тане было страшно. Но отойти от ворот она не могла: очень хотелось увидеть это чудо-юдо. Она шагнула ещё раз два, подкралась, заглянула... и сразу попятилась.

– Ой, чёрный какой! – прошептала она.

– Бежим! – закричала Алёнка.

Но Таня не побежала.

– Подожди, Алёнка, – сказала она, – я ещё раз посмотрю!

Таня вошла в сарайчик и сейчас же закричала оттуда:

– Алёнка! Да это машина такая!

Тут и Дёмушка осмелел, вбежал в сарайчик.

– У! – сказал он. – Да это просто движок! Я его уже видел. Ещё когда его везли.

Алёнка из ворот поглядывала на гудящий двигатель.

«А может, он всё-таки живой? – думалось ей. – Вишь, как гудит и дрожит и даже вспотел весь!..»

Вдруг она услышала чьи-то шаги, хрустящие по щепкам. Оглянулась – а это дядя Семён, механик.

– Механик идёт! – крикнула Алёнка и побежала от сарайчика.

Таня и Дёмушка тоже бросились бежать. А дядя Семён остановился и сказал:

– Вот посмотрите на них – и откуда взялись? Не успел отойти, а они уж тут как тут! Да разве можно посторонним сюда входить?

Но ребяташки почти и не слышали, что он говорит, – бежали без оглядки.

Они выбежали на дорогу и тут остановились.

Дорога эта уходила от строительства куда-то в поле. По сторонам, на отлогих склонах, ярко зеленели густые озими.

А вдоль дороги, прямо по озими, тянулись вереницей высокие новенькие столбы. Они словно шагали куда-то большими шагами, и наверху у них, будто серьги, блестели маленькие белые чашечки.

Девочки ещё постояли, поглядели на строительство: на колхозников, которые копали землю, чистили брёвна, рубили срубы; на механический молот, который всё ещё хлопал по верхушке сваи, фукая синим дымком (а свая стала уже совсем низенькая).

Людские голоса смешивались с монотонным рёвом пилорамы, с ударами молота, с гулом, который шёл из сарайчика, и с широким поющим шумом весенней реки Нудоли.

Нудоль текла рядом и журчала и заливала кусты и деревья на той стороне.

– А где же у нас Снежок? – вдруг спохватилась Таня.

– А он давно убежал, – сказал Дёмушка.

– Куда убежал?

– Прямо по дороге убежал куда-то. Домой, наверно. Может, есть захотел...

– Пошли домой, – сказала Алёнка. – Наверно, обедать пора.

– А как же море? – сказала Таня.

– Мне больше не хочется море смотреть, – сказала Алёнка, – я домой пойду.

– А по какой дороге домой пойдёшь? Как сюда шли?

– Вот по этой пойду, – сказала Алёнка и показала рукой на полевую дорогу, – по столбам.

– Ну, пойдём, – вздохнула Таня. – А море когда-нибудь ещё сходим посмотрим. Ладно?

– Ладно, – сказала Алёнка.

И они тихонько пошли по светлой полевой дороге – домой. И Дёмушка зашагал за ними.

Встречи в поле

Дорога шла сначала среди зеленей. Ровные, чистые озими, раскинувшись, лежали под солнышком, расправляя свои зелёные, густые стебельки.

А потом кончились озими и открылась широкая пашня. Сырые комья свежей земли блестели и чуть-чуть дымились под горячими весенними лучами.

В небе было полно звона, друг перед другом заливались весёлые жаворонки. По ровной, мягкой земле шли тракторы с сеялками на прицепе.

Один трактор шёл далеко, возле рожицы, а другой двигался навстречу у самой дороги.

– Вот бы прокатиться! – сказала Таня. – Давай попросимся!

– Не посадит, – сказал Дёмушка. – Я уж просился один раз – не сажает.

– Ну, тебя не сажает, а нас посадит!

Трактор шёл медленно и очень ровно. А когда подошёл поближе, Таня закричала:

– Эй, дяденька тракторист! Прокати немножко!

– Вот отеемся, тогда и прокатим, – ответил тракторист, – а сейчас – куда же? Смотрите, что к трактору-то прицеплено: сеялки с овсом. А за сеялками ещё и бороны. Да ещё вы сядете – трактор-то и уморится совсем!

Трактор прошёл мимо, протащил и сеялки и бороны.

Таня стояла и смотрела трактору вслед.

– Гляди, сколько тащит! – сказала она. – И сразу из трёх сеялок сеет!

– А видала, как из сеялок овёс по трубочкам в землю сыплется? – спросила Алёнка. – Я видала.

– И я видала!

– А что, прокатились на тракторе? – спросил Дёмушка. – Не затрясло?

Таня тоненьким голоском запела песенку, Алёнка подхватила. И ничего не ответили Дёмушке, будто не слышали. Так и пошли с песенкой дальше. А вот и полю конец, и деревню видно!

На конце пашни встретился ещё один человек – женщина в розовом платочке запахивала углы. Трактор на поле поворачивается не круто, закругляет на поворотах. Потому и остаются в поле незапаханные углы.

Таня посмотрела на эту женщину, на её розовый платок, низко надвинутый на глаза от солнца, и вдруг закричала:

– Мамушка! Вот ты где!

И побежала к ней по зелёной кромке поля.

Танина мать остановила свою серую лошадку.

– Это вы где же пропадаете? – сказала она. – С утра вас дома нету!

– А мы ходили море смотреть! – быстро начала Таня. – И на ГЭС были! Там всякие машины видели!

– Ну вот, – сказала мать, – убежали из дому, не сказались. А там бабушка тебя ищет – не найдёт! Беги скорей домой! Небось в животе-то петухи поют!

– Мамушка, – сказала Таня, – а ты домой не пойдёшь? Ведь уж небось обеды!

– Какие там обеды! – ответила мать. – Обеды уж прошли! Бегите домой сейчас же!

И снова тронула лошадь.

Жёлтые баранчики

Ребятишки побежали к деревне прямо через лужайку. На сухом бугорке Таня увидела светлый жёлтый цветок. На голом стебельке висели жёлтые венчики, а около самой земли теснились пушистые круглые листья.

– Баранчик! – закричала Таня и сорвала цветок.

– А вот и ещё два! – закричала Алёнка. – А вон и ещё один!

Но тут оказалось, что баранчиков на бугорке очень много, не сосчитаешь. Девочки нарвали жёлтых цветов по целой горсти и принялись грызть их сочные, свежие стебельки. А Дёмушка и в горсть нарвал, и в карман набил, чтобы ему до самого дома хватило.

Они бегали по луговине, собирали баранчики, грызли их.

Вдруг Таня вспомнила:

– Пошли! Мне мамушка домой велела!

Они опять вышли на дорогу. А по дороге одна за другой бежали лошади, запряжённые в телеги. Телеги были грязные, все испачканные навозом. Возчики сидели кто на чистой дощечке, кто на соломенном пуке. А кто и вовсе стоймя стоял.

– Эй, ребятишки, садитесь – подвезём! – со смехом крикнула с передней телеги Сима Кукушкина.

Сима была в колхозе бригадир по огородам и теперь возила со своей бригадой на огороды навоз.

– Вот когда обратно с возами поедет, тогда и их захватим, – сказал озорной парнишка Петька.

А на третьей телеге ехал Серёжа Таланов. Серёжа никогда не обижал маленьких ребятишек

и не смеялся над ними. Он остановил лошадь и сказал:

– Влезайте. Садитесь на солому.

Таня и Алёнка живо взобрались на телегу. А за ними и Дёмушка вскарабкался. Серёжа отдал им пук соломы, на котором сидел, а сам поехал стоя. Лошадь бежала рысью, телега подпрыгивала на кочках и на ухабинках, но Серёжа стоял и покачивался, а не падал.

– И как не боится! – сказала Таня.

– А я тоже не боюсь! – вдруг заявил Дёмушка.

Он встал на телеге, расставил ноги пошире... Но тут же и сел, прямо на навозное дно.

Таня засмеялась, а Алёнка сказала:

– Вот и хорош! Вот и сиди там, а к нам не подлезай!

Но Дёмушка сидеть не стал. Он снова поднялся на ноги, покачнулся, но не упал. Так и стоял до самой деревни рядом с Серёжей, широко растопырив руки и покачиваясь на колдобинах.

И, когда домчались до конюшни, Серёжа сказал ему:

– Молодец! Ловкий работник будешь!

Снял его с телеги и поставил на землю. А девочки сами соскочили.

Ссора с бабушкой

Таня прибежала домой.

– Бабушка, дай пообедать! – закричала она.

Бабушка месила корм для поросёнка. Увидев Таню, она даже руками всплеснула:

– Ну где же это ты бегала, а? Это где же ты пропадала, а? Я вот тебе шлепков сейчас надаю, а не пообедать! Обедать надо вовремя приходиться, когда все люди обедают!

Таня обиделась, надула губы и полезла в стол за хлебом. Но в столе лежала большая краюшка, и ни одного ломтика отрезанного не было. Только одна засохшая корочка валялась в углу. Таня взяла эту жёсткую корочку и отошла к окну. Она глядела в окно, грызла корку, хрустела, как мышьяк, а на бабушку и не оглядывалась.

– Вот и грызи корки, – продолжала бранить её бабушка, – вот так и надо! Я-то думаю – она за гусями смотрит, а гуси ходят да ходят себе по озимям! И не спросится и не скажется, убежит куда-то! Да что это за вольница такая растёт!

Бабушка пошла кормить поросёнка. А Таня, всё так же насупившись, стояла у окна.

Корочку она съела. Но что это за обед, когда всё утро по полям да по лугам пробегаешь!

Бабушка вернулась из хлева. Она молча вымыла посуду. Вытрясла самовар. Нащепала лучины... А Таня стояла у окна, водила пальцем по стеклу и что-то сердито шептала себе под нос.

Потом бабушка принесла из чулана мучной лоток и стала сеять муку на хлебы. И вдруг сказала тихо и печально:

– Нет, Танюшка, совсем ты свою бабушку не любишь! Я-то тут бегаю, ищу, кричу. Думаю – не в пруду ли утонула, не заблудилась ли где. Спасибо, телятницы сказали, что на лугу вас видели. А тебе и думки мало, что бабушка тут беспокоится. Вот какая ты у нас, Танюша, недобрая, бабушку совсем не жалеешь!

У Тани глаза сразу налились слезами.

– Бабушка, я тебя жалею! – закричала она.

Таня живо подбежала к бабушке, вскарабкалась на приступку, где стоял мучной лоток, и обняла бабушку за шею.

У бабушки чуть сито с мукой из рук не вывалилось.

– Бабушка, я тебя жалею! – повторила Таня со слезами и прижалась лицом к бабушкиной щеке.

Бабушка улыбнулась, положила сито и вытерла своим ситцевым фартуком Танины слёзы.

– Вот и хорошо, что жалеешь, – сказала она. – Только давай уговоримся: если вздумаешь куда убежать, так сначала у бабушки спросись. Ладно?

– Ладно, – обещала Таня.

– Ну, а теперь садись да поешь, – сказала бабушка. – Вот тебе каши с молоком да творожку мисочку... Да вот ещё яичко я тебе оставила. Подкрепись пока до ужина.

Так помирились бабушка с Таней, и обеим стало хорошо и весело.

Седая коза

Таня обедала, а сама поглядывала в окошко – что это Снежка не видать?

– Бабушка, а где Снежок? – спросила она.

– Небось под крыльцом спит, – сказала бабушка. – А что ему? Целую плошку похлёбки съел да и на боковую!

Таня успокоилась: значит, Снежок домой прибежал, не заблудился.

– Бабушка, а я тебе баранчиков принесла, – сказала Таня. – Вот эти тебе, а эти дедушке. Они сладкие, попробуй!

Бабушка посмотрела на вялые жёлтые цветы.

– Нет, – ответила она, – мне их грызть нечем: зубов у меня нету. Лучше отнеси их Деду.

Таня взяла цветы и пошла к дедушке. Дедушка во дворе постукивал топориком, тесал колья.

Таня уселась рядом с ним, на старом бревне под берёзами.

– Дедушка, попробуй баранчиков, – сказала она, – сладкие – прямо сахар!

– Подожди, – ответил дедушка, – вот ещё десятка два кольев затешу, тогда и угощай меня баранчиками.

– Дедушка, а зачем ты столько кольев затёсываешь? – спросила Таня. – На что они тебе нужны?

– Для колхоза нужны, – ответил дедушка. – На огородах загородки расшатались – поправить надо... Потом выгон будем огораживать, потом вон садовник наш Федот Иванович говорит, что ему новые посадки огородить надо. А ты спрашиваешь – на что нужны!

Дедушка сказал о новых посадках, и Таня сразу вспомнила про свой Медок и про Алёнкин Холодок. Она вскочила:

– Пойду наши липки посмотрю. А баранчики пускай здесь, на бревне, полежат.

Таня выбежала за ворота и сразу закричала:

– Пошла! Пошла отсюда!

К маленьким липкам подобралась седая коза, которая бродила по деревне. Коза уже обнюхивала тонкие веточки и выбирала, которую отгрызть.

Таня кричала на козу, махала на неё руками. Но коза не испугалась Тани. Она упёрлась ногами в землю, нагнула голову и уставила на Таню острые рога. У Тани не было ни палки, ни хворостины. Она схватила ком земли и запустила в козу. Потом схватила какую-то щепку и тоже запустила в козу. Но коза ничего не боялась!

Тогда Таня, оглянувшись, увидела на изгороди большую жёлтую мочалку, которой моют полы. Таня сдёрнула эту мочалку и начала хлестать козу по рогам. Это козе не понравилось. Она зафыркала, закрутила головой и запуталась рогами в косматой мочалке. Коза ещё сильнее затрясла головой, но мочалка сидела у неё на рогах. Тогда она испугалась и пустилась бежать. А Таня гналась за ней и кричала:

– Куда мочалку понесла? А чем будем пол мыть?

Наконец коза догадалась, подбежала к берёзе, потёрлась рогами о корявый ствол и сбросила мочалку. И помчалась дальше, потряхивая головой.

Таня взяла мочалку и со слезами вернулась к дедушке:

– Дедушка! Коза наши липки чуть не съела!

– Ну, ведь не съела же, – сказал дедушка, – так чего же ты плачешь? Эко слёзы-то как у тебя близко!

– А может, она потом придёт и съест!

– Может, и съест. А может, овцы из стада прибегут да и обгрызут... Или корова потопчет.

– Дедушка, ну а как же теперь?

– Вот то-то, «как же»! Ты думаешь, посадила, воткнула в землю да и ладно? Однако нет. Дело-то не так делается. Раз посадил – значит, смотреть надо, заботиться надо, беречь.

– А как заботиться?

– Ну, прежде всего надо их огородить.

– Дедушка, давай скорей огородим! А то скоро скотина придёт! А вдруг наши липки бык увидит? Бык-то мочалки не побоится! Дедушка, я тебе помогать буду!

– Вот, оказывается, и для твоих посадок загородка понадобилась, – сказал дедушка, – а ты спрашивала – колья на что!

Дедушка вбил в землю четыре кола и огородил деревца частыми слегами. Теперь их никто не тронет – ни коровы, ни овцы, ни седая коза. Пусть растут хорошенько!

Золотые ключики

Всё ещё пели птицы в небе, всё ещё носились ласточки над крышей, ещё блестели от солнца молодые листики на берёзе, но уже реяли в воздухе прозрачные сумерки, и всё гуще, всё длиннее становились вечерние тени.

– А теперь, – сказал дедушка, снова взявшись за топор, – расскажи-ка ты мне, где это вы с Алёнкой скрывались?

– Мы не скрывались, – сказала Таня, – мы ходили море глядеть.

Дедушка даже топор опустил:

– Море?

– Ну да, море. Ну, а что, дедушка? Ты ведь сам сказал, что наша Маринка дорогу к морю знает. Вот мы и пошли – сначала за ручьём, потом за Маринкой, потом за Нудолью... Ой, дедушка, а что мы на Нудоли видали! Там всякие машины работают! Помпа! Пила в раме! А их двигает знаешь кто? Такая машина, движок называется. Саша говорит, что это чудо-юдо, а это и вовсе движок. Только его маслом мазать надо, а то он рассердится и ничего делать не будет.

Дедушка, продолжая работать, покосился на Таню и усмехнулся в бороду.

– Ну, уж этому движку сердиться недолго осталось, – сказал он. – Скоро наша ГЭС построится, турбину привезут. Тогда эта турбина будет все машины двигать – и молотилки, и льномялки, и веялки. И по всем избам электрический свет даст.

– А какая она, эта турбина?

– Ну как я тебе расскажу – какая! Я и сам ещё не видал, какая она. Вот осенью привезут её на ГЭС, тогда и посмотрим.

Таня задумалась о чём-то. А дедушка помолчал-помолчал и спросил:

– Ну, а как же море-то? Видели?

– Нет, – сказала Таня, – не видели. Не дошли: очень есть захотелось.

– А кабы есть не захотели, то дошли бы?

– Дошли бы, конечно.

– Ну? – сказал дедушка. – Неужели дошли бы? А я слышал, что от нас до моря, до самого ближнего, и то километров семьсот.

Таня посмотрела на дедушку, и даже рот у неё немножко открылся:

– Дальше Москвы?

– Столько, сколько до Москвы. Да ещё шесть раз столько. До моря надо на поезде ехать, а не босиком по берегу бежать!

Таня неподвижно глядела на дедушку и молчала.

– Есть море и поближе, – продолжал дедушка, – совсем недалеко от Москвы. Это море люди сами сделали. Сначала прорыли канал, соединили Москву-реку с Волгой-рекой. А чтобы в канале всегда полно воды было, сделали огромный водоём. Там воды сколько хочешь, большой запас. Вот и получилось море. Московское называется.

– Значит, люди умеют моря делать?

– Наши, советские люди всё умеют.

– А значит, у этого Московского моря тоже берегов не видно?

– Нет, у этого моря берега недалеко! – сказал дедушка. – Однако большие пароходы по Московскому морю тоже ходят!

– Посмотреть бы... – задумчиво сказала Таня. А потом спросила: – Дедушка, а если бы мой папка жив был, мы бы с ним поехали море посмотреть?

– А то как же! – ответил дедушка. – Обязательно бы поехали. Эх, был бы твой папка жив...

Дедушка отложил топор, вздохнул и стал закручивать сигарку. Лицо у него запечалилось, потемнело, будто тучей заволкло... Но Таня не дала ему долго печалиться.

– Дедушка, дедушка, – живо сказала она, – а что ж ты баранчики-то забыл?

Дедушка взял один цветок, поглядел на него и сказал:

– А эти цветы ещё по-другому называются. Ещё их зовут «золотые ключики». Видишь – будто связка ключей висит?

– Вижу, – сказала Таня.

– А про эти «золотые ключики» я такую историю слыхал...

– Расскажи, дедушка, расскажи! – закричала Таня и поближе придвинулась к дедушке.

А дедушка закурил свою сигарку и начал такую историю:

– Говорят, этот цветок весне двери отпирает. Зима тянется долго. И людям и зверям холодно. А птицы и вовсе пропадают от метелей да от стужи.

Но вот приходит месяц Март. Тут все: и люди, и звери, и птицы – начинают просить:

«Месяц Март, бери золотые ключи, отпирай Весне золотые ворота!»

А Март отвечает:

«Отпер бы я Весне золотые ворота, да нет у меня золотых ключей. Золотые ключи месяц Апрель унёс!»

Прошёл месяц Март, подходит Апрель. Опять люди, и звери, и малые пташки просят:

«Месяц Апрель, бери скорее золотые ключи, отпирай Весне золотые ворота!»

Но что тут поделаться! И у месяца Апреля нет золотых ключей.

«Не могу я отпереть Весне золотые ворота: золотые ключи месяц Май унёс!»

Стали и люди, и звери, и малые птицы месяца Мая ждать. А как месяц Май пришёл, то и стали просить:

«Месяц Май, у тебя ли золотые ключи? Отпирай поскорее золотые ворота, впускай Весну-красну!»

Тут месяц Май вынул золотые ключики, позвенел связкой:

«Вот они, золотые ключи. Сейчас отопру золотые ворота, впущу Весну-красну!»

Отпер месяц Май золотые ворота, и заиграло солнышко, зацвели дубравницы, проглянула зелёная трава... Отворились золотые ворота, пришла Весна-красна на землю!

Все тут – и люди, и звери, и малые пташки – на солнышке обогрелись.

Месяц Май отпер ворота, а золотые ключики уронил невзначай. Те ключики упали на лужок, и вырос из них вот этот цветик...

Таня молча разглядывала нежный жёлтый цветок, похожий на связку ключиков, и молчала. И виделось ей, как в дедушкиной сказке бродит Весна-красна по окрестным лугам и полям, обряжает рощу зелёной листвой, сажает медуницу в раkitнике. А где-то далеко за лесом горят на солнце и тонко поют под ветром высокие золотые ворота, через которые пришла Весна на землю.